

УДК 920.2
ББК 63.3 (2Рос=Калм.)

К ВОПРОСУ О ДУРБЭН-ОЙРАТСКОМ СОЮЗЕ

В. П. Санчиров

«Дурбэн-ойратами» назывался союз (конфедерация) западномонгольских кочевых этнополитических объединений, предшествовавших созданию в 1635 г. Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). Монгольское и ойратское слово «дурбэн» (*dörben*, «четыре»), будучи присоединено к этнониму «ойрат», образует сложный термин «дурбэн-ойрат», передающий значение «союз четырех ойратов». Однако долгое время не было ясно, когда возник Дурбэн-ойратский союз и каков был его состав. Эта тема, как отметил в своей известной монографии «История Джунгарского ханства» И. Я. Златкин [Златкин 1964: 30–36], на протяжении полутора веков довольно подробно освещалась в исторической литературе. Подробно рассмотрев историографию данной проблемы, он пришел к неутешительному выводу о том, что «вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан» [Златкин 1964: 35]. До недавнего времени в отечественной историографии выделялись две крайние, противостоящие друг другу точки зрения – «гиперкритическая» академика Б. Я. Владимирцова и «удревнительная», которой придерживались акад. С. А. Козин и калмыцкий ученый Г. О. Авляев. Остановимся подробнее на них.

Б. Я. Владимирцов, внесший огромный вклад в изучение истории Монголии, утверждал, что «многие, совершенно неверные взгляды на ойратов, как на «союз», ... начались с известной книги о. Иакинфа (Бичурина) «Историческое обозрение ойратов или калмыков» (СПб., 1834) [Бичурин 1991]. Ее автор связывал появление союза со свержением власти Юаньской династии и изгнанием монгольских завоевателей из Китая в 1368 г. (у Н. Я. Бичурина — в 1367 г.). Он считал, что «сие событие со-

ставляет Эпоху, с которой **Чжунгарские Монголы** появились на политическом поприще под названием Ойратов» [Бичурин 1991: 24]. По его предположению, в этот союз первоначально входили «три сильных поколения: Чорос, Хошот и Торгот», а затем, когда из поколения чорос выделились дэрбэты, Ойратский союз, сделавшись четырехчленным, с середины XV века стал называться «Дурбэн Ойрат» (буквально «четыре ойрата») [Бичурин 1991: 25].

«Историческое обозрение ойратов...» Н. Я. Бичурина, стоявшего у истоков русского калмыковедения, представляет собой первое систематическое изложение истории ойратов (со второй половины XIV века) и калмыков (до начала XIX века) и содержит целый ряд утверждений и обобщений, не подкрепленных фактами и надежными доказательствами. Отсюда и суровая оценка академиком Б. Я. Владимирцовым книги Бичурина как «кишащей неточными и обобщенными указаниями» [Владимирцов 1934: 157]. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в вопросе о времени возникновения Ойратского союза Н. Я. Бичурин, основывавшийся на фактическом материале, извлеченном из китайских источников, все-таки был ближе к истине, чем Б. Я. Владимирцов.

В своем классическом труде «Общественный строй монголов» Б. Я. Владимирцов высказал сомнения в самой исторической реальности существования такого союза. Он писал: «... так называемый «Ойратский союз», о котором так много говорят европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал. Во всяком случае, монгольские и ойратские источники ни разу о нем не упоминают. По-видимому, представление об Ойратском союзе появилось под влиянием не совсем правильного пони-

мания слова *oyırad* как «близкие», значит, и «союзники». Из того факта, что существовало название *Dörben Oyırad* «Четыре Ойрата», никак нельзя сделать вывод о том, что союз был ойратский. ... Числа в данном случае обозначали или количество отоков, или туманов (тумэнов. — В. С.). Название **Dörben Oyırad** происходит от того же самого, обозначает: «четыре» (тумана) ойратов» [Владимирцов 1934: 157].

Точка зрения академика Б. Я. Владимирцова, отрицавшего сам факт существования Ойратского союза, имеет, как ни странно, сторонников и в наше время. Современный бурятский исследователь Д. В. Цыбикдоржиев в пространной статье, содержащей много не относящихся к данной теме сведений, категоричен в своих выводах. Он пишет: «В свете полученной информации нам остается присоединиться к старой гипотезе о том, что союза «четырех ойратов» никогда не было, что это лишь превратно понятое выражение **дурбэн ойрад**, означающее этническое родство двух (!) племен — дурбэнов и ойратов» [Цыбикдоржиев 2012: 148].

Б. Я. Владимирцов справедливо отметил, что этноним «дурбэн-ойрат» появился во времена Чингис-хана, когда древнее племя ойратов вошло в состав созданного им монгольского государства. Как сообщает придворный историограф монгольских правителей Ирана, Рашид ад-Дин, ойраты в административном отношении были разделены на 4 «тысячи» [Рашид-ад-дин 1952: 269]. Это были скорее не «тысячи», а «тумэны» («тмы»), так как, по словам Б. Я. Владимирцова, Рашид ад-Дин довольно часто мешает «тысячу» с «туманом» [Владимирцов 1934: 157]. Считалось, что собственно монгольское войско «в век Чингиса и Юаньской династии» составляло 40 тумэнов. Отсюда берет начало формула общности двух родственных монголоязычных народностей восточных монголов и ойратов — Дөчин дөрвөн хоёр (букв. «Сорок и четыре»). «... Старые названия с числовыми показателями отоков или туманов жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. ... В действительности же ойраты так же, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (улус), туманов и отоков, образовавших феодальные сеньерии. Вначале это феодальное кочевое объединение, по-видимому, имело одного сюзерена (тайши...); но впоследствии еди-

ного главы у ойратов не было, как не было в XVII в. и у восточных монголов» [Владимирцов 1934: 157].

В этническом отношении западномонгольские племена в период Средневековья также не представляли собой нечто устойчивое и однородное. Об этом свидетельствует самоназвание ойратов «дурбэн-ойрат». Именно так называли их калмыцкие историки Габан Шараб (в XVIII в.) и Батур-Убаши Тюмень (в XIX в.) в своих исторических сочинениях с одинаковым названием «Дөрвөн өөрдин түүк» («История дурбэн-ойратов»).

Точка зрения Б. Я. Владимирцова в вопросе о существовании «Союза четырех ойратов» имела и сторонников, к числу которых принадлежал И. Я. Златкин, и противников. Так, акад. С. А. Козин ошибочно предполагал, что ойратское государство, которое он называет «Союз четырех ойратов» («дурбэн-ойратов»), существовало уже в дочи́нгисовский период как «четыреединый каганат» и именно в таком виде оно вошло в состав государства Чингис-хана. Затем, якобы, этот каганат «при Юаньской династии мыслился в составе государства чингисханидов, а в послеюаньский период — параллельно с этим последним» [Козин 1940: 3–5]. Он утверждает, что во времена правления знаменитых ойратских правителей Тогона-тайши и его сына Эсэн-хана (первая половина XV в.) ойратские ханы считают себя «более способными и достойными преемниками Юаньской династии», а при Эсэне «ойратское государство достигло полного расцвета своих сил и около 1440 г. имело уже достаточно сил для установления гегемонии над Халхой и для борьбы с Китаем» [Козин 1940: 3–5].

Еще более «удревнил» время образования Ойратского союза калмыцкий историк Г. О. Авляев, выдвинувший гипотезу о том, что этот союз «возник в середине IX века (после событий 840 г. — А. Г.), но как самостоятельное ханство (или государственное образование) Ойратия известна по письменным источникам во II половине XII и начале XIII века» [Авляев 1994: 128]. Подобный разброс мнений в трактовке данных вопросов наблюдается при сопоставлении взглядов всех исследователей, что объясняется недостатком письменных источников в то время, а то и полным отсутствием таковых. Поэтому у них реконструкции начальных этапов ойратской истории носят исключи-

тельно условный, гипотетический характер. Так, Г. О. Авляев, говоря о происхождении ойратов, основывается на сведениях из монгольских летописей XVII в.

Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), сообщает, что четыре ойратских племени дочингисовой эпохи — элэты, багатуты, хойты и кэргүты (ögeled, bayatud, qoyid, kergüd) ведут свое происхождение от Дува-Сохора, потомка легендарных прародителей всех монголов, Бортэ-чино и Гоа-марал. У него было четыре сына — Доной, Докшин, Эмнэг и Эркэ, ставших родоначальниками четырех ойратских племен [Schmidt 1829: 57]. Об этом же говорится в «Алтан Тобчи» («Золотом сказании») Мэргэн Гэгэна, хотя сыновья Дува-Сохора не называются прямо родоначальниками ойратов: «Сыновьями Дова Сохора были Доной, Докшин, Эмнэг и Эрхэг. Потомки этих четырех есть среди Дорбэн ойратов» [Балданжапов 1970: 137].

Все эти сведения восходят, в конечном счете, к «Тайной истории монголов», где также рассказывается о двух братьях, Дува-Сохоре и Добун-Мэргэне, но ничего не сказано об ойратах: «После кончины Дува-Сохора четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мэргана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплеменное Дорбен-ирген» [Козин 1941: 80, § 11]. Что же касается Добун-Мэргэна, то известно, что он был женат на знаменитой прародительнице монголов, Алан-Гоа из племени хори-туматов, и является предком Чингис-хана в 11-м поколении по восходящей линии» [Козин 1941: 79–80, § 9, 10].

Калмыцкий исследователь Г. О. Авляев толкует этот этногенетический миф как «миф о первом разделе ойратов с монголами в лице двух братьев, Дува Сохора и Добун Мэргэна» [Авляев 1994: 130]. Появление мифа он относит к середине IX в., когда произошло такое «крупнейшее политическое событие того времени, как разгром Уйгурского каганата в 840 г. енисейскими киргизами и освобождение протомонголов» — «шивэй», или «отуз-татар» (30 племен «татар»), от уйгурского господства» [Авляев 1994: 130]. Главный вывод Г. О. Авляева гласит: «После событий 840 г. было положено начало монголоязычному древнеойратскому племенному союзу, включавшему

в домонгольский период четыре основных племени — олет (элёт), батут, хойт и кэргуд (т. е. киргизов с Енисея...), не считая мелкие племена и роды» [Авляев 1994: 131].

Отсутствие репрезентативных источников об этнических процессах, протекавших в Прибайкалье, Саяно-Алтайском нагорье и Западной Монголии, не дает конкретных оснований говорить о взаимосвязях ойратов с древними обитателями Монголии и Южной Сибири и о существовании Ойратского союза в дочингисовский период. Тем более такой союз не мог образоваться при Чингисхане и его преемниках. Только после 1368 г. — после падения династии Юань в Китае, в то время, когда монгольские ханы были заняты кровопролитной войной с Минской империей, правители западномонгольских (ойратских) племен смогли укрепить независимость своих владений и установить контроль над соседними территориями.

Населявшие их племена стали уходить из-под власти монгольских ханов и присоединяться к ойратам. Новое кочевое объединение представляло собой антимонгольский племенной союз. Среди его правящей верхушки не было мужских потомков Чингисхана. Японская исследовательница Дзюнко Мияваки справедливо указывает, что «те кочевые племена, которые не были монголами в истинном смысле, объединились против монголов в более узком смысле, поддерживавших династию чингисханидов, а их новый племенной союз стал именоваться «Дурбэн ойрат» по имени их главного племени» [Miyawaki 1991: 206]. Тогда-то, вероятно, и появилось выражение «dörben qatı ulus», что означало «четыре чуждых, неродственных народа». Ими в первой половине XV века была предпринята попытка добиться гегемонии ойратов над всей Монголией и заново объединить страну под властью энергичных и честолюбивых правителей, Тогона-тайши и Эсэн-хана.

Именно в это время в составе ойратов появляются новые этнополитические образования, вобравшие в себя различные кочевые группы, населявшие Западную Монголию. Во второй половине XV века они начали выдвигаться на ведущее место в социально-политической структуре ойратского общества, вытесняя на задний план старые роды и племена, остатки былой родоплеменной организации. Подтверждение этому мы находим в ойратских источниках, в которых появляются упоминания об Ой-

ратском союзе, хотя само слово «союз» не употребляется.

Хошутский нойон Батур-Убаши Тюмень в своей «Истории дурбэн-ойратов» («Dörbön Oyiradiyin tüüke»), написанной в 1819 г., приводит следующие данные о составе дурбэн-ойратов: «Одним из [подразделений] тех, кого называют дурбэн-ойратами, являются элэты (öyilöd)». Так как они, подстрекаемые желтым демоном (šaга šulma), удалились от ойратов, то их стали называть «элэтами». Уставщик (unzad) [монастыря] Раши Гомон Алдар-габджи в своей истории написал, что они растворились среди кизилбашей (xazalbaş-tu šinggeji). Второе [подразделение] – хойты и баатуы (хоуид батуд). Третье [подразделение] – баргуты и бурааты (барга бурад). Четвертое [подразделение] – дэрбэты, джунгары и хошуты, тумэты (dörböd zöün γar хошуд түмед). Ввиду того, что торгуты были опорой (tüšig) (т. е. находились в подчиненном положении. – В. С.) дурбэн-ойратов, они не [могли] подчинить себе ранее ставших известными ойратов» [Калмыцкая хрестоматия 1907: 25].

В приведенном отрывке ничего не сказано о том, к какому времени относятся сведения о составе дурбэн-ойратов и возникновении их союза. Упоминание в нем дэрбэтов и джунгаров (крупных кочевых объединений среди ойратов позднего средневековья) позволяет отнести приведенные сведения к более позднему периоду, не ранее XVII века. Поиск и выявление новых источников ойратской истории, введение их в научный оборот, изучение содержащихся в них сведений об этнической истории ойратов особенно активно велись учеными Китая в последние два десятилетия прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего [Oyirad teüken surbulji bičig 1985; Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992]. В частности, получил положительное разрешение спорный вопрос о существовании Ойратского союза.

Накоплению новых знаний в немалой степени способствовало обнаруженное в Синьцзяне в 1982 г. ойратское историческое сочинение на «ясном письме», известное под названием «История Хо-Öрлөка» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 37–63; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 155–166]. Автор его неизвестен. Хотя оно невелико по объему и содержащиеся в нем сведения носят фрагментарный характер, по своему со-

держанию оно может быть отнесено к ряду особо ценных источников. Именно в нем мы находим сообщение об ойратских союзах, которые трижды формировались в истории дурбэн-ойратов. В других источниках подобные сведения с такими подробностями не приводятся, поэтому они вызвали особый интерес у исследователей. Основываясь на показаниях «Истории Хо-Öрлөка», они выявляют три периода в союзе дурбэн-ойратов по времени существования: 1. Первые Четыре Ойрата (Türügün Dörben Oyirad) (1437–1502); 2. Средние Четыре Ойрата (Dumdadu Dörben Oyirad) (1502–1637); 3. Последние Четыре Ойрата (1637–1758) (Segül-ün Dörben Oyirad) [Erdenebayatur, Coγtu 1987: 177; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 160–162].

О союзе Первых Четырех Ойратов неизвестный автор «Истории Хо-Öрлөка», написанной, как принято считать, во второй половине XVIII века, сообщает следующее: «Вообще-то в прошлом четыре племени, отделившись, составили [отдельное] племя под названием «Четыре Ойрата» (Dörben Oyirad). Первый Ойрат – это элэты (ögeled); второй Ойрат – это хойты и баатуы (qoyid батуд), объединившиеся вместе; третий Ойрат – баргу[-ты] и бурааты (баргу бурияд); четвертый Ойрат — это объединившиеся вместе четыре анги (родоплеменные подразделения. – В. С.). Когда эти Четыре Ойрата сформировались, то они стали называться Первыми Четырьмя Ойратами (Terigün Dörben Oyirad)» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 41; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 161–162].

Как видно из приведенного отрывка, этноним «ойрат», который в дачинговскую эпоху прилагался к отдельному, реально существовавшему племени из «лесных народов» Восьмиречья, спустя некоторое время превратился в собирательное название множества других, родственных ойратам либо живущих в близком с ними соседстве, племен. Каждое из них, будучи разного происхождения, внутри новой ойратской общности хотя и сохраняло собственное название, но в сношениях с внешним миром уже выступало под общим названием ойратов. Это объясняется тем обстоятельством, что ойратский предводитель Хутуга-бэки в 1207–1208 гг. добровольно капитулировал перед Чингис-ханом, и благодаря его заслугам ойраты (прежде всего их знать) заняли

в государстве монголов привилегированное положение. Поэтому другие родоплеменные подразделения «лесных народов» присвоили себе их славное имя и стали называть себя «ойратами».

Когда именно в юаньский период произошло изменение семантики термина «ойрат», неизвестно, но в послеюаньский период мы видим, что этноним «ойрат» в прежнем значении был замещен этнонимом «элэт» (ögeled, өөлд). В структуре Первого Союза Четырех Ойратов элэты фигурируют как первое, самое крупное родоплеменное подразделение, входившее в этот союз племен. Налицо переосмысление содержания понятия «ойрат», которое трактуется в это время уже в более широком смысле. Само же слово «элэты» (өөлд), как объясняют некоторые монгольские исследователи, происходит от монгольского слова өөлий (букв. «крупный, мощный»), что призвано было охарактеризовать этот основной компонент ойратской общности как главное большое племя дурбэн-ойратов [Erdenebayatur, Šoytu 1987: 177; Хо-Өрлөгийн түүх: 160–162].

Второе и третье подразделения Дурбэн-ойратского союза включали в себя этнические компоненты (хойтов, баатутов, баргутов и бураатов), связанные по происхождению с родоплеменными группами древних ойратов Восьмиречья. Кто конкретно входил в состав четвертого подразделения дурбэн-ойратов, в «Истории Хо-Өрлөка» не указывается. Можно предположить, что сюда, помимо собственно ойратов, относились многочисленные племенные группы восточных монголов, попавших в подчинение к ойратам в период «ойратской гегемонии» в Монголии.

Пик могущества Первого Союза Дурбэн-ойратов приходится на первую половину XV века, время правления ойратских правителей Тогона-тайши (умер в 1439 г.) и его сына Эсэн-хана (годы правления: 1440–1454). После гибели Эсэна этот союз вступил в полосу упадка и постепенно распался. Анонимный автор «Истории Хо-Өрлөка» связывает распад с откочевкой значительной части первого подразделения дурбэн-ойратов – элэтов на запад в 1502 г. и прекращением ими своих союзных отношений с другими ойратами. Он сообщает следующее: «Ойраты-элэты по наущению желтого демона (šiga šimnu) откочевали», а когда они переправились через реку Манхан, то

[там] образовался лед и загородил им [дорогу назад]. Затем половина хойтов примкнула к баатунам, хошутам и торгутам. Те, что остались после них, примкнули к баргутам и халха-сойотам. Буряты примкнули к русским. После этого, когда дурбэн-ойраты распределились между собой, только одни хошуты составили одно подразделение ойратов, элэты (джунгары) – другое, торгуты – третье, а дэрбэты – четвертое, и они стали называться Средними Четырьмя Ойратами» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 41; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 161].

Более подробное изложение конкретных событий второй половины XV века в монгольских и ойратских источниках отсутствует. Правда, сообщение об откочевке элэтов косвенно подтверждается китайскими источниками. В китайской официальной династийной истории «Мин ши» кратко сказано о том же, но без указания того, о какой части ойратов идет речь: «Начиная с того дня, когда умер Эсэн, ойраты пришли в упадок, и их племена рассеялись. Больше невозможно узнать о последовательности их правителей» [Hambis 1969: 102]. В академической «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» нам уже приходилось объяснять причины «упадка ойратов»: «В обстановке междоусобиц, военных действий и грабежей начался отток ойратского населения с занимаемой ими территории в Западной Монголии на юг Гоби, в район Хами в Восточном Туркестане» [Санчилов 2009: 198].

Приведенные в «Истории Хо-Өрлөка» сведения о Среднем Союзе дурбэн-ойратов, несмотря на их весьма приблизительный характер, проливают некоторый свет на новый этап консолидации ойратов. В этом конгломерате этнических групп произошли значительные изменения и перемещения, которые привели к его распаду. Не в последнюю очередь это было связано с откочевкой в первой половине XVII в. части хошуты в Кукунор и еще одной части к торгутам, которые переселились в район Северного Прикаспия.

Хошуты в составе Среднего Союза дурбэн-ойратов занимали доминирующее положение, но к моменту его распада их влияние сильно ослабло. На первый план выдвинулись джунгары, как стали называться оставшиеся в составе Союза элэты, и родственные им дэрбэты. Тогда сформировался

в 1637 г. Союз Последних дурбэн-ойратов, в котором «половина хошуты составили одно подразделение ойратов, вместо торгов джунгары составили одно подразделение ойратов, дэрбэты — одно подразделение ойратов, половина хойтов — одно подразделение ойратов, и они стали называться Последними Четырьмя Ойратами» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 42; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд — II 2001: 161–162].

В приведенном отрывке из «Истории Хо-Өрлөк» ошибочно указывается, что место откочевавших на Волгу торгов заняли джунгары, на самом деле это были хойты [Санчилов 1990: 47–48]. Вопреки распространенному мнению, ученые из КНР Эр-дэнэбаатар и Цогту считают, что Средний Союз дурбэн-ойратов просуществовал до 1671 г., когда джунгарский Галдан Бошогту-хан одержал победу над хошутским Очирту Цэцэн-ханом и ханская власть снова перешла к феодальным правителям джунгаров из аристократического рода Чорос [Erdenebayatur, Cöyту 1987: 177]. Они установили централизованную власть над всеми родоплеменными подразделениями Джунгарии, и поэтому о Союзе Последних дурбэн-ойратов можно говорить как о Джунгарском ханстве. Это ойратское государство в течение нескольких десятилетий противостояло экспансии Цинской империи и было в конце концов уничтожено цинскими захватчиками. Вместе с ним закончилось существование и Ойратского союза.

ЛИТЕРАТУРА

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — 1 четверть XVIII вв.). М.; Элиста, 1994. 248 с.
- Балданжапов П. Б. Алтан Товчи — монгольская летопись XVIII века. Улан-Удэ, 1970. 415 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд., Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. XI+233 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: 1964. 462 с.
- Калмыцкая хрестоматия... Сост. А. Позднеев. Изд. 2-е. испр. и доп. СПб., 1907. 195 с.; Тод үсгийн дурсгалууд. Уланбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1976. 436 с. Неточный русский перевод Ю. Лыткина // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. 204 с.
- Козин С. А. Джангарида, героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевода торгутской его версии. М.; Л.: 1940. VI+252 с.
- Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. § 11, М.; Л., 1941. 620 с.
- Рашид-ал-дин, Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.; Л., 1952. 315 с.
- Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. 138 с.
- Санчилов В. П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеюаньский период (XVI вв.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста, 2009. 847 с. Глава 3. С. 166–237.
- Цыбикдоржиев Д. В. Ойраты до и после 1207 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2012. С. 120–147.
- Erdenebayatur, Cöyту. Oyirad teüke-yin šine negelte. — Todo üsüg-ün teüke-yin surbulji bičig // Öbör Monggol-un bayši-yin yeke surγayuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl. Neyigem-ün šinjilekü uqayan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusγai duγar. Nemeltü sedgöl, 1987. С. 176–181.
- Hambis L. Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. Paris, 1969. XCII+271 с.
- Miyawaki J. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. Helsinki, 1991. P. 203–234.
- Oyirad teüken surbulji bičig. [Kökeqota] Öbör Monggol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 с.
- Oyirad teüke-yin durasqal-ud. [Ürümči] Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. 496 с.
- Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. Spb., 1829. 509 с.
- Qo Örlög-ün teüke // Oyirad teüke-yin durasqal-ud. С. 37–63; Хо Өрлөгийн түүх // Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд — II. Уланбаатар, 2001. С. 155–166.